

П. В. Рябов

ИСТОРИЯ

РУССКОГО НАРОДА И РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

с древнейших времён
до начала XX века

ТОМ II

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОМЕТЕЙ

Петр Рябов

**История русского народа
и российского государства.
С древнейших времен до
начала XX века. Том II**

«Прометей»

2015

УДК 63.3(2)
ББК 94(47)

Рябов П. В.

История русского народа и российского государства. С древнейших времен до начала XX века. Том II / П. В. Рябов — «Прометей», 2015

ISBN 978-5-9906550-8-9

Книга историка и философа, кандидата философских наук, доцента П.В. Рябова в лаконичной, яркой и доступной форме излагает драматическую тысячелетнюю историю взаимоотношений российского государства и русского народа, описывает основные вехи, развилки и альтернативы истории. Изложение строится не столько как хронологически последовательный пересказ событий, дат и имён, сколько как исследование, основанное на проблемном принципе, фиксируя ключевые дискуссионные вопросы истории России от призвания варягов до начала XX века. Дается авторская трактовка главных процессов и противоречий истории, упущенных возможностей и историографических споров. «Норманнская проблема», борьба Москвы с Тверью и Литвой за гегемонию на Руси, последствия монгольского ига, оценка эпох Ивана IV и Петра I, проблема ускоренной модернизации России, генезис и последствия крепостного права и церковного раскола, столкновение государственного деспотизма и народной вольницы, взаимосвязь повторяющихся реформ и контрреформ в самодержавной империи, феномен русской интеллигенции и истоки революционного движения – вот некоторые важнейшие темы, стоящие в центре исследования П.В. Рябова. Книга предназначена для старшеклассников, студентов и всех читателей, интересующихся российской историей. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 63.3(2)
ББК 94(47)

ISBN 978-5-9906550-8-9

© Рябов П. В., 2015

© Прометей, 2015

Содержание

VI	7
6.1 Рождение петербургской империи (1689–1725)	7
6.1.1. Накануне реформ	8
Пётр I и Иван IV	11
6.1.2. Войны и завоевания петровской России	12
6.1.3. Армия и флот	16
6.1.4. Индустриализация по-петровски	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Пётр Владимирович Рябов
История русского народа и российского
государства (с древнейших времен до
начала XX века) в двух томах. Том 2

© Издательство «Прометей», 2015 г.

* * *

VI Петербургская Россия (1689–1917)

6.1 Рождение петербургской империи (1689–1725)

Историк XIX века Михаил Петрович Погодин так описывал результаты «революции сверху», проведённой Петром I: «Мы просыпаемся. Какой ныне день? 1 января 1841 года – Пётр Великий велел считать годы от рождения Христова, Пётр Великий велел считать месяцы от января. Пора одеваться – наши платья сшиты по фасону, данному Петром I, мундир по его форме. Сукно выткано на фабрике, которую завёл он, шерсть настрижена с овец, которых развёл он. Попадает на глаза книга – Пётр Великий ввёл в употребление этот шрифт и сам вырезал буквы. Вы начнёте читать её – этот язык при Петре I сделался письменным, литературным, вытеснив прежний, церковный. Приносят газету – Пётр Великий их начал. Вам нужно искупить разные вещи – все они, от шёлкового шейного платка до сапожной подошвы будут напоминать вам о Петре Великом... За обедом, от солёных сельдей и картофеля, который указал он сеять, до виноградного вина, им разведённого, все блюда будут говорить вам о Петре Великом. После обеда вы едете в гости – это ассамблея Петра Великого. Встречаете там дам, допущенных до мужской компании по требованию Петра Великого... Место в системе европейских государств, управление... судопроизводство, права сословий, «Табель о рангах», войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы... почты... аптеки... госпитали, лекарства, летосчисление... печать, типографии, военные училища, академии – суть памятники его неутомимой деятельности и его гения».

Петра Первого часто называют революционером на троне. «Первым большевиком» метко именовал его поэт Максимилиан Волошин, а «большевиком на троне» – называл философ Николай Бердяев. И в самом деле, его преобразования коренным образом насильственно изменили облик Российского государства и жизнь русского народа. Именно в его правление Россия была провозглашена империей (в 1721 году), вступила в борьбу за мировое господство и получила новую столицу – Санкт-Петербург.

Масштабы личности Петра I и его эпохи общеизвестны, но об их оценках ведутся ожесточённые споры, творятся бесчисленные мифы. Два наиболее распространённых и доживших до наших дней, полярных «образа» петровской России и личности первого императора таковы.

Первый миф – о «Петре Великом» – был создан ещё при его жизни лживыми царедворцами. В соответствии с ним, великий самоотверженный царь-реформатор, прилагая титанические усилия, вывел отсталый, реакционный и упорно цеплявшийся за старину русский народ, не понимавший собственного счастья, на столбовую дорогу европейского прогресса и просвещения, создал могучую победоносную державу.

Второй миф также возник при жизни Петра I, но уже не в придворной, а в народной среде. Он говорил о «царе-Антихристе», погубителе русского народа, палаче и изувере, деспоте и злодее, оскорбившем и кощунственно растоптавшем народную культуру, залившим кровью Русь, отбросившем страну на многие столетия назад в угоду своему безграничному деспотизму.

Возможно, ближе всего к истине образ Петра и его эпохи, запечатлённый в гениальной поэме А.С. Пушкина «Медный всадник». Здесь мы видим великолепие дворцов Санкт-Петербурга, стихию Невы, закованную в гранит набережных, симметрию улиц «регулярного города», мощь империи и над всем – «кумира на бронзовом коне», попирающего своими копытами растоптанного «маленького человека», на чьих костях и крови и было воздвигнуто злое величие державы.

6.1.1. Накануне реформ

XVII век предрешил как неизбежность развития России по самодержавно-крепостническому пути, так и необходимость «модернизации сверху», обновления государства на европейский манер. Это было уже начато церковной реформой, созданием полков «иноземного строя», первых мануфактур, западными влияниями в культурной жизни, отменой местничества. Вопрос в конце XVII века стоял не о том: быть или не быть реформам в России, но об их направленности, радикальности, темпах и цене.

Провал политики правительства Софьи и Голицына, их курса на постепенные и умеренные реформы, мало болезненные для общества и постепенно европеизирующие русскую жизнь, породил временный период реакции 1689–1695 годов, вызванный приходом к власти партии Нарышкиных: гонениями на всё иноземное, стагнацией экономики, разворовыванием казны, усилением изоляционистских тенденций во внешней и внутренней политике.

Если В.В. Голицин больше думал, чем действовал, предлагал продуманную и неторопливую программу реформ, ориентированных на общественную поддержку и соучастие, то новый виток реформ, связанный с именем царя Петра, отличался спонтанностью, непродуманностью, насильственностью, произвольностью, торопливостью и хаотичностью. Сравнивая реформаторство Василия Голицына с реформаторством юного Петра I, П.Н. Милюков писал: «Пока Голицын окружал себя книгами, картами, статуями, Пётр с азартом предавался спорту. Книгу он допускал в минимальных размерах... Голицын ездил в Немецкую слободу для серьёзных политических бесед о солидном Гордоном... Пётр слышать не хотел ни о какой политике, тем более русской. Она неразрывно связывалась в его тогдашнем представлении с торжественными официальными аудиенциями, от которых он бежал, как от чумы. В слободу привёз его кузен Голицына, «пьяница» Борис, но не для политических бесед, а для балов и попок... Голицын мечтал о «довольстве народном». Пётр исподволь принимал меры для обеспечения личной безопасности. Укрепив своё положение преданной ему военной силой, Пётр обнаружил полное пренебрежение к общественному мнению. Он издевался над ним в той же мере, в какой Голицын за ним ухаживал и его боялся. Голицын в походах только и думал, как бы скорее вернуться в столицу, чтобы разрушить козни врагов. Пётр рвался из столицы в походы, как бы чувствуя, что там, при войске, его сила... И тогда как Голицын высшей целью своей политики считал заключение «аллиансов», Пётр принялся во что бы то ни стало искать хорошего театра войны, где можно было разгуляться на воле его кораблям и пушкам». Разумеется, и черты личности государя, и обстоятельства его прихода к власти, наложили свой серьёзный отпечаток на весь характер начавшихся резких реформ.

Говоря о предпосылках петровских реформ и их сравнении с реформами XVII века, Б. Кагарлицкий отмечает: «Государство первых Романовых, испытывая возрастающую зависимость от западных технологий, пыталось компенсировать это культурным самоутверждением, противопоставлением «московского благолепия» западным нравам. Именно сочетание культурного изоляционизма с растущей интеграцией в формирующуюся мировую экономическую систему объясняет противоречивое, почти шизофреническое состояние, в котором находились правящие круги Москвы к моменту воцарения Петра Великого... Именно в силу того, что государство буквально не могло существовать без иностранных технологий, специалистов и даже военных наёмников, оно пыталось сохранить свою политическую самостоятельность и найти идеологическое обоснование в постоянном подчёркивании религиозного и морального превосходства над Западом... Чем больше «русский дух» стремились оградить от «иноземной заразы», тем в меньшей степени общество обладало иммунитетом по отношению к западным влияниям...

Пётр не изменил курса, которым шла Россия, но он обеспечил культурные и политические условия, без которых этот курс не мог успешно проводиться». Провозглашая на словах верность старой религии и дедовским обычаям, правящие круги Москвы всё более в своём быту проникались европейскими веяниями, использовали завозимые с Запада предметы роскоши (мебель, часы, кареты).

Для Петра, выросшего вдали от Кремля, в селе Преображенском под Москвой, Немецкая слобода стала символом прогресса, а все русские нравы и обычаи казались воплощением отсталости и суеверия.

До 1694–1696 годов юный царь, формально возглавив страну, не интересовался делами управления (пока не умерли его мать Наталья Кирилловна Нарышкина (1694), его болезненный брат и соправитель Иван V Милославский (1696) и не была заточена в монастырь по его приказу нелюбимая жена царя Евдокия Лопухина (1698)). Безудержные пьянки в Немецкой слободе, любовные шашни, игры в войну с «потешными» полками заменяли Петру систематическое книжное образование, занимали всё его внимание и кипучую энергию, формировали его личность. Нравы Немецкой слободы манили его, также как и море, увиденное им в Архангельске. В эти годы царя окружал «всешутейший и всепьянейший Собор», «служащий Бахусу и Ивашке Хмельницкому» – орава собутыльников, цинично пародировавшая русскую старину, неумолимая на богохульства и кощунственные выходки.

Для личности царя были характерны энергичность, решительность, беспощадность, утилитарное восприятие людей, как инструментов своей воли, любознательность, развратность, практицизм, сухой рационализм, грубость, бесцеремонность, жестокость, любовь к учительству и работе с техникой. На всю жизнь ключевой и определяющей для Петра стала идея «воспитательной диктатуры», «педагогике», основанной на личном примере, строжайшей регламентации и субординации и на всеобъемлющем насилии, причём роль нерадивых «учеников» он отводил русскому народу, а роль Учителя, знающего, что надо ученикам – исключительно себе. Человек с его личностью, душевной индивидуальностью не существовал для царя: люди были лишь орудием, материалом для здания империи, объектом для опеки и использования, а не субъектом. Вечная палка в руках, которой Пётр часто избивал окружающих, стала символом культивируемой им системы насилия, при которой любое (скрытое или явное, активное или пассивное) сопротивление его воле следовало сломить не считаясь ни с чем. Пётр воспринимал общество, как огромный механизм, заводимый всемогущей рукой механика – его собственной рукой (подобно тому, как европейские философы XVIII века считали «механизмом» весь мир, а «Механиком» – Бога-Творца).

Пётр неуклонно проповедовал «служение общему благу» (то есть благу державы, с которой он отождествлял себя), культ «регулярного государства» и часто повторял, что «полиция есть душа гражданства». Всю жизнь обучаясь различным навыкам и ремёслам, проходя всю лестницу чинов и рангов с низших до высших, государь хотел привить такие же навыки трудолюбия, чиновничества и любознательности своим «несознательным» поданным. Однако, сталкиваясь с их нежеланием следовать его примеру, превращаться в его марионеток и ломать все свои ценности по его приказу, он всё больше убеждался в том, что насилие – универсальное и лучшее средство насаждения нового в полезного. Крупнейший современный исследователь и знаток петровской эпохи, историк Евгений Анисимов отмечает: «пожалуй, Пётр первый с такой систематичностью использовал принуждение для достижения блага, как он его понимал, и сформулировал идею «насилованного прогресса». Постоянно проводимая мысль о «педагогике дубинкой» зиждилась на уверенности в том, что он, царь, единственный, кто знает, что необходимо его народу, а, адекватно выражая это несомненное благо в своих указах, требует взамен беспрекословного подчинения». Роль субъекта исторического действия Пётр I отводил исключительно самодержавному государству, а народу – лишь роль объекта попечения и инструмента для приложения усилий.

Эта безграничная вера во всемогущество и вседозволенность власти, управления, рационального планирования, конструирования через насилие (когда на место «органики» живой традиции становится «механика» «регулярного государства») пронизывает всю многогранную деятельность царя. Характерно, что сухого технократа, рационалиста и прагматика Петра I всегда интересовало прикладное знание и работа с техникой, а не высокая теория и не искусство Европы, к которому он относился совершенно равнодушно.

Царь стремился посредством бюрократически-полицейского государства насилием привести народ к «общему благу», кощунствуя и глумясь, стереть всю старую культуру и с «чистого листа» (в духе идей века Просвещения) сконструировать новую державу, новую культуру и нового человека. Беда была лишь в том, что этот гениальный техник имел дело не с мёртвыми инструментами, а с живыми людьми! Ключевым понятием, без конца употреблявшимся Петром, было понятие «службы». В идеальном государстве Петра I все должны были служить монарху, чья власть становилась беспредельной. Эти не слишком сложные идеи Пётр I воплощал в жизнь со всей своей колоссальной энергией и необузданной жестокостью, со всей своей пылкой любовью к «западному» и ненавистью к «русскому».

Если поездки в Немецкую слободу, плавание на ботике по Яузе, игры в войну с «потешными» войсками, строительство кораблей на Плещеевом озере в Переяславле-Залесском и поездки в Архангельск сформировали личность царя, то завершающей фазой этой затянувшейся эпохи, предшествующей реформам, стали Азовские походы 1695 и 1696 годов и «Великое посольство» в Европу 1696–1698 годов. Поскольку, начатая неудачными Крымскими походами князя Голицына война с Турцией продолжалась, молодой царь организовал и возглавил два похода на мощную турецкую крепость Азов. Второй из них завершился взятием крепости, которая не только контролировала Азовское море, но и давала ключ к вольному Дону и помогала подчинить казаков. Однако в одиночку, без союзников Россия не могла выиграть войну против более могущественной Османской Империи.

Поэтому в 1696–1698 годах в Европу было отправлено «Великое посольство», преследующее несколько явных и тайных целей. Первой целью было приглашение в Россию множества иноземных мастеров и инженеров, второй (скрытой) – поиск в Европе союзников для продолжения войны против Османской Империи. К посольству присоединился и молодой государь. Впервые в истории Московии монарх покинул страну, к ужасу населения (не случайно потом ходили упорные слухи, что «немцы» подменили царя за границей и прислали в Россию своего человека на погибель русским людям). Два года, проведённые в Европе, окончательно убедили Петра в мысли о необходимости учиться всему у иноземцев, Союзников для антитурецкой коалиции найти ему не удалось. Зато был заключён антишведский Северный союз с Данией и Саксонией с участием России. При помощи русских войск саксонский курфюрст Август II был посажен на престол Речи Посполитой. В разгар пребывания за границей Пётр получил тревожное известие о новом стрельцком восстании на родине, побудившее его спешно вернуться в Москву.

После взятия Азова стрельцов не вернули, как было обычно, в столицу, к их семьям и хозяйству, а отправили на далёкую западную границу под Вязьму. Возроптав, несколько полков стрельцов двинулись на Москву, но около монастыря Новый Иерусалим были расстреляны правительственными войсками из пушек и сдались. Усмиривший стрельцов воевода А.С. Шеин казнил 122 человека, а 140 приказал бить кнутом. Однако, срочно вернувшемуся в Россию Петру этого было мало. Он жаждал отомстить непокорным стрельцам за свои детские страхи и дать страшный урок всем непокорным. Пётр повелел начать следствие, стремясь особо доказать связь восставших с его сестрой Софьей. Эта связь не была доказана, но, тем не менее, Софью насильно постригли в монахини Новодевичьего монастыря. Пётр лично участвовал в пытках и казнях стрельцов, желая этой зверской расправой запугать общество и сломить всякое сопротивление народа. Лично царь отрубил головы пяти стрельцам, его любимчик и ден-

щик Меншиков – двадцати. Всего были казнены 1091 человек. А вскоре стрелецкое войско, как ненадёжное и бунтарское, было распущено Петром. Ему нужна была армия покорных и вымуштрованных рабов.

Сразу по возвращении в Россию, царь предпринял несколько символических действий, свидетельствующих о полном разрыве с русской религиозной и культурной традицией и о начале насаждения иноземных обычаев. Прежде всего, было запрещено носить бороды (всем, кроме крестьян и священников), на бородачей была наложена огромная подать. Борода была символом русской старины, благочестия и человеческого достоинства, и такой жест царя был весьма многозначителен. Чтобы оценить впечатление, произведённое петровским запретом бород на его современников, представим себе, что нынешнее правительство в одночасье повелело всем гражданам страны... ходить нагишом по улице, сурово штрафуя за ношение одежды и сурово преследуя одетых! Пётр запретил также изготовление и ношение в городах русской одежды, обязав жителей городов носить отныне венгерское и немецкое платье, европейские сапоги и башмаки (образцы новой одежды были выставлены на площадях).

Было изменено летосчисление и календарь: 7207 год от сотворения мира было теперь велено считать (как в Европе) 1700-ым годом от рождения Христова, отмечать начало года с первого января (а не с сентября, как раньше) и украшать ворота елями и соснами. В России, как в Англии, вводился юлианский календарь (тогда как в других европейских странах уже действовал более точный григорианский календарь). Пётр, ввёл орден в качестве мер поощрения за заслуги, гербовую бумагу для составления всех официальных актов.

По словам С.Т. Жуковского и И.Г. Жуковской: «Быт знатных московских семей переворачивался вверх дном; то, что ещё вчера было недопустимым «срамом», становилось обязательным... Борьба со стариной продолжалась до конца петровского царствования. Гонениям подверглось множество обычаев: русский способ выделки кожи, традиционные конструкции кораблей, застройка городов деревянными зданиями и даже – обычай хоронить покойников в дубовых гробах».

Таким каскадом нововведений, воспринятых обществом, как вселенская катастрофа и символически совпавшим с началом XVIII века, началась эпоха петровских реформ.

Пётр I и Иван IV

В 1721 году голштинский герцог Карл-Фридрих, живущий в Петербурге, желая польстить императору, воздвиг арку в честь Петра I, украшенную портретами Ивана IV с надписью «Incepit» (начал) и Петра I с надписью «Perfecit» (усовершенствовал). Эта арка очень пришлась по душе самодержцу России. Пётр говорил об Иване Грозном: «Этот государь – мой предшественник и пример. Я всегда принимал его за образец благоразумия и храбрости, но не мог ещё с ним сравняться».

И в самом деле, очень многое роднит двух знаменитых самодержцев: общая философия власти (отождествление государства и своей персоны, восприятие всех подданных, как своих холопов), крайний деспотизм и жестокость, и даже многие сходные обстоятельства биографии. Иван IV вёл безуспешную борьбу за завоевание Прибалтики (Ливонская война), а Петру I в ходе Северной войны удалось осуществить эту задачу. Иван IV был первым московским царём, Пётр I – первым петербургским императором. Иван IV в приступе ярости убил своего сына Ивана, Пётр I – с расчётливой жестокостью приказал умертвить своего непокорного сына Алексея. «Опричное братство» Ивана IV – с его зловещим пародированием церковной жизни, кошунствами, зверствами, оргиями, «чинами», издевательски напоминающими церковные, и вызывающее у современников ассоциации с «воинством сатанинским», чрезвычайно напоминает «всешутейший и всепьянейший Собор» Петра I, с похожим беспредельным цинизмом и бесстыдством, изощрёнными глумлениями над русской культурой и православными обычаями.

ями, со своим шутовским «уставом» и «чинами», с пьяными оргиями и богохульными выходками. Этот «Собор» также воспринимался современниками, как сборище слуг Антихриста. Иван IV, стремясь сломить сопротивление общества и власть обычаев, создал опричное войско, а Пётр I со сходными целями – гвардию.

Подобно Ивану IV, Пётр I рано лишился отца и в детстве пережил страшные потрясения, дворцовые перевороты, поразившие его детское воображение и расшатавшие психику, и на всю жизнь затаил подозрительность, злобу, жестокость и недоверие к людям. И Иван IV, и Пётр I были великолепными «лицедеями», умевшими разнообразить творимые ими зверства комическими фарсами и артистическими выходками. Иван IV страдал психическими расстройствами; похожие признаки (приступы дикой ярости, подёргивания лица) часто наблюдались и у Петра I. Иван IV имел множество жён и любовниц, был склонен к разврату и оргиям, многих своих жён убивал и ссылал в монастырь; похожие черты были присущи и Петру I, заточившему в монастырь свою первую жену Евдокию Лопухину и имевшему несчётное множество «метресс».

В натуре Ивана IV были причудливо смешаны артистизм, одарённость различными талантами и палаческое изуверство, склонность к кровавым эффектам. Точно также и Пётр I – одарённый, талантливый, беспощадный и артистичный, не только сам любил пытать людей в застенках и рубить головы своим жертвам, но и проявлял изуверскую изобретательность и своеобразный изощрённый юмор в кровавых расправах. Так, он приказал после расправы над стрельцами в 1698 году, повесить 195 стрельцов прямо под окном кельи своей сестры и соперницы Софьи в Новодевичьем монастыре; а, раскрывши заговор стрелецкого полковника Цыклера в 1696 году, приказал извлечь из земли гроб давно умершего боярина Ивана Милославского (главу ненавистного Петру клана), поставить под плахой и открыть его, чтобы кровь казнимых капала прямо в гроб.

Если Иван IV казался Петру I близким по целям и духу правителем и образцом государя, чьё дело он старался в меру сил достойно продолжать, то вновь эти два самодержца причудливым образом «встретились» уже в жуткую эпоху Сталина, считавшего их наиболее замечательными государями в российской истории. Угождая Сталину, советские режиссёры снимали фильмы, прославлявшие «прогрессивных царей» Ивана IV и Петра I. А талантливый «придворный» писатель А.Н. Толстой в своих произведениях об Иване IV и Петре I проводил мысль о титанических усилиях этих славных царей, вопреки сопротивлению своего предательского окружения и многочисленным заговорам, продвигавшим «отсталый» и «реакционный» русский народ к «светлому будущему». Параллели, присутствовавшие в этих произведениях, с реалиями большевистского режима 20-ых – 30-ых годов XX века были достаточно прозрачны и очевидны.

6.1.2. Войны и завоевания петровской России

Большая часть царствования Петра I (32 года из 36) протекала в войнах России с Турцией и Швецией. Это и обусловило характер и цели реформ: государство перестраивалось под нужды армии и войны. Целью войн были завоевания, целью реформ – создание огромной боеспособной армии, а всё управление страной протекало под знаком «чрезвычайщины» и милитаризации жизни. Всеобщая мобилизация и насилие стали обычными средствами управления.

В ходе «Великого посольства» Петру удалось сколотить Северный союз из Саксонии (и Речи Посполитой), Дании и России против Швеции. Едва заключив мир с турками, Россия в 1700 году включилась в Северную войну со Швецией.

В то время шведский флот господствовал в Балтийском море, шведская армия была лучшей в мире, а на шведский престол только что сел юный король Карл XII – гениальный полководец и бесстрашный рыцарь по натуре. Быстро победив и выведя из войны Данию, Карл XII поспешил к Нарве, осаждённой русскими войсками. Пётр I бежал от своего войска, кото-

рое, будучи в четыре раза многочисленнее десяти тысячного шведского, было наголову разбито и капитулировало 19 ноября 1700 года, сдав противнику знамёна и артиллерию. Эта позорная и сокрушительная «конфузия» продемонстрировала слабость русских войск и, с одной стороны, позволила Карлу XII перебросить силы против Саксонского курфюрста и польского короля Августа II, с которым он сражался до 1707 года (в итоге победив и его), а, с другой стороны, заставило Петра начать реорганизацию армии и обусловленные ею реформы всей жизни страны. Пока Карл XII громил саксонские и польские армии, Пётр I, имея колоссальный перевес сил, неторопливо захватывал шведские крепости в Прибалтике (Нотебург, Ниеншанц, Дерпт, Нарву), основал (в 1703 году) Санкт-Петербург и Кронштадт, ставшие опорными пунктами российской экспансии на Балтике.

Перелом в войне наступил в 1707–1708 годах, когда, выведя из «строя» последнего российского союзника – Августа II – и посадив на престол Речи Посполитой своего ставленника Станислава Лещинского, Карл XII взял Гродно и Минск и двинулся на Москву. Он заключил широкий союз с силами в России, недовольными кровавой политикой Петра I: на его сторону перешли запорожские и донские казаки (на Дону в это время как раз бушевало восстание под руководством атамана Кандратия Булавина) и украинцы во главе с гетманом Иваном Мазепой. Мазепа надеялся, что в столкновении Швеции и России Украине удастся вернуть свою утраченную свободу и независимость.

Однако эта коалиция оказывалась недолгой: действуя стремительно и невероятно жестоко, русские каратели уничтожили Запорожскую Сечь (вырезав там поголовно всех, включая женщин и детей) и разрушили резиденцию Мазепы город Батурин (перебив всех его жителей в устрашение непокорным украинцам), в котором хранилось продовольствие и боеприпасы, столь необходимые шведской армии. Четыре тысячи украинцев, пришедшие к Карлу XII вместе с гетманом, и десять тысяч донских и запорожских казаков не могли поправить дела. Тем более, что в 1708 году Пётр нанёс поражение у деревни Лесной шведскому корпусу генерала Левенгаупта, спешившему на соединение с армией короля с огромным обозом. Шведы голодали и остались без боеприпасов под осаждённой ими Полтавой.

В Полтавской битве 27 июня 1709 года сошлись 47 тысяч русских солдат при 102 пушках и 30 тысяч шведских солдат (считая казаков) при 39 пушках. Положение шведов ухудшалось то, что, во-первых, их орудия фактически не имели боеприпасов и бездействовали в ходе сражения, а, во-вторых, герой и любимец армии непобедимый Карл XII был тяжело ранен незадолго до битвы и не смог лично возглавить свою армию. Тем не менее шведы отважно напали на русские укрепления, но после долгого, ожесточённого сражения, были отброшены, отступили к Днепру, где были вынуждены капитулировать. Восемь тысяч шведов погибло на поле боя, 16 тысяч сдались в плен. Непобедимая доселе армия перестала существовать, а Карл XII с Мазепой бежали к турецкому султану.

Полтавская битва изменила весь ход войны и соотношение сил в Восточной Европе. Если незадолго до этой баталии Пётр униженно просил Швецию о мире, обещая уступить ей почти всю завоёванную им Прибалтику, то теперь он перешёл к активным наступательным действиям, возглавив восстановленный Северный союз, в который вновь вступили Дания, Саксония, а также Ганновер. Со шведской империей было навеки покончено. Русские войска захватили всю Прибалтику, вступили на территорию Речи Посполитой и Северной Германии, нанесли поражение шведской эскадре в битве у мыса Гангут (1714 г.). При этом голландцы и англичане обучали и вооружали армию Петра I, английский флот оказывал ему активную поддержку (несмотря на наличие торгового и военного договора между Англией и Швецией), поскольку Швеция была стратегической союзницей Франции (их главного соперника), а английским и голландским купцам был нужен прямой доступ к русским рынкам и русское зерно.

Пребывая в эйфории от победы под Полтавой, Пётр I решил воевать на два фронта и неосторожно ввязался в новую войну с Османской Империей. В 1711 году русская армия вторглась в пределы Турции и устремилась к Дунаю, стремясь захватить Валахию и Балканы (Сербию и Грецию). Однако этот Прутский поход закончился катастрофой: русское войско во главе с царём было окружено в степи без воды и продовольствия втрое превосходящими силами турок и капитулировало. Только подкупив турецкого полководца (которого за это султан казнил по его возвращении в Стамбул), Пётр сумел спасти себя от гибели, а свою армию от полного истребления. По условиям мирного договора, туркам возвращался Азов, разрушалась русская крепость в Таганроге, Россия отказывалась препятствовать возвращению Карла XII на родину (в 1718 году отважный король погиб, воюя с Норвегией) и отказывалась вмешиваться в дела Речи Посполитой (последнее обещание, разумеется, не было выполнено).

В 1713–1720 годах русские войска захватили Финляндию, высадились в Швеции. Однако обе страны были обессилены и стремились к прекращению войны (на том же настаивали и великие державы: Англия и Австрия, встревоженные чрезмерной агрессивной экспансией России). В 1721 году в городе Ништадте был заключён мир, положивший конец страшной Северной войне. По нему к России отходили огромные земли в Прибалтике: Ингерманландия, Лифляндия, Эстляндия и Карелия, города Выборг, Рига, Ревель, Дерпт и Нарва. Финляндия возвращалась Швеции, которой Россия выплачивала в качестве возмещения за отнятые земли фантастическую сумму в два миллиона талеров.

Итоги Северной войны радикально изменили как внешнюю, так и внутреннюю политику России. Внутри страны война (и колоссальная денежная контрибуция в пользу Швеции) породила не только реформы, но и полное разорение купечества и крестьянства, привело к колоссальным бедствиям народа, превратило Россию в большую казарму, живущую по законам «чрезвычайщины», обесценила человеческую жизнь. А во внешней политике победа в Северной войне означала начало имперской политики. Не случайно, в связи с подписанием Ништадтского мира, Пётр в 1721 году принял титул «императора». В то время в Европе была всего лишь одна Империя – Священная Римская Империя. Новый титул означал притязания России на мировое господство, начало интенсивнейшей внешней агрессии и борьбы за лидерство в Европе, выход за «исторические границы» России и захват земель и народов, никогда в состав России ранее не входивших.

Вот как оценивает последствия Северной войны для России Е.В. Анисимов: в ходе раздела завоёванных территорий Швеции «отчётливо проявились изменившиеся под влиянием блистательных побед на суше и на море претензии России. Во-первых, Пётр отказался от прежних обещаний союзникам ограничиться старыми русскими территориями, отторгнутыми шведами после Смуты начала XVII в. – Ингрией и Карелией. Занятые силой русского оружия Эстляндия и Лифляндия уже в 1710 г. были включены в состав России. Резко усилившиеся армия и флот стали гарантией этих завоеваний. Во-вторых, Пётр, начиная с 1712 г. стал активно вмешиваться в германские дела». Поддерживая тех или иных немецких князей штыками, выдавая русских царевен за немецких принцев (так, одну свою племянницу Анну он выдал замуж за герцога Курляндии, а другую – Екатерину – за герцога Мекленбурга, а своего сына Алексея женил на Вюртембергской принцессе), Пётр активно претендовал на контроль и постепенное подчинение Северной Германии (Голштинии, Курляндии, Мекленбурга и пр.).

В ходе Северной войны ослабевшая Речь Посполитая выступала уже не как мощная самостоятельная сила, а как разменная монета между Швецией и Россией. На её территории могучие соседи сражались между собой, навязывали ей марионеточных правителей. XVIII век станет веком заката Речи Посполитой, веком её всё возрастающей зависимости от Петербурга, и закончится её уничтожением, оккупацией и разделом. Сравнивая итоги Ливонской и Северной войны, можно заметить, что, если Ливонская война закончилась разгромом Руси, утверждением на Балтике Швеции и Речи Посполитой и во многом привела к Смутному времени

в Московии, когда польский королевич едва не занял московский трон, то Северная война, напротив, завершалась упадком Речи Посполитой и ослаблением Швеции.

Подчинив Речь Посполитую и потеснив Швецию на Балтике, проникнув в Германию, Россия при Петре I окончательно превращается в «периферийную империю», встроенную в систему европейской политики, – империю, господствующую в Восточной Европе, снабжающую Западную Европу сырьём и хлебом и поставляющую для нужд европейской политики свою огромную армию (как не раз будет в XVIII и XIX веках). Играя роль имперского «жандарма» и метрополии для Азии и Восточной Европы, Россия, в силу своей социально-политической и экономической отсталости, в отношении Запада останется «полуколонией».

Захват земель в Прибалтике (в том числе, в нарушение всех договоров с союзниками, земель, никогда прежде не принадлежавших России), борьба за господство в Речи Посполитой и Германии, означало начало новой – имперской, агрессивной внешней политики России, вступившей в борьбу за мировое господство. Е.В. Анисимов отмечает: «Ништадтский мир 1721 г. юридически оформил не только победу России в Северной войне, а также приобретения России в Прибалтике, но и рождение новой империи – связь между празднованием Ништадтского мира и принятием Петром императорского титула прямая... Следствием уродливого слияния военно-политических и торговых интересов Российской империи стала русско-персидская война 1722–1723 гг., сочетавшаяся с попытками проникновения в Среднюю Азию. Знание конъюнктуры международной торговли убеждало Петра захватить транзитные пути торговли редкостями Индии и Китая. Завоевание южного побережья Каспия мыслилось Петром отнюдь не как временная мера. Русско-персидский мир 1723 г. привёл к присоединению значительных территорий Персии к России, строительству там крепостей». Персидский поход 1722 года и захват русскими войсками Дербента, Решта и Баку, южного и западного Прикаспия рассматривались Петром I как первый шаг к захвату Индии – поскольку без Индии не бывает мирового господства. В 1716 году был организован поход в Хиву – он закончился полным истреблением русской армии.

А в 1723 году император планировал отправить эскадру адмирала Д. Вильстера для овладения островом Мадагаскар, который должен был стать плацдармом для вторжения в Индию русских захватчиков. Однако, экспедиция не состоялась, а скорая смерть Петра I (и последовавшие за ней разрушение военного флота и полный финансовый крах России) отложили эти грандиозные замыслы на неопределённое будущее (следующая попытка захвата Индии будет предпринята лишь через 80 лет при Павле I).

Расплачиваться за имперское величие, мощь державы и непрерывные войны, разумеется, должен был народ России. По замечанию П.Н. Милюкова: «ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы». Превращение Московского царства в Петербургскую империю означало не только рост внешнеполитических амбиций правителей России, но и новый виток их наступления на собственное общество (которое усиленно разграблялось и порабощалось под речью о необходимости завоеваний и всё более попадало под гипноз державного величия).

В.О. Ключевский отмечает, что на протяжении всей русской истории «внешнее территориальное расширение государства идёт в обратно пропорциональном отношении к развитию внутренней свободы народа». Однако эта имперская логика, столь обременительная и растлевающая для народа, была рискованной и для самодержцев, поскольку, если «слава, купленная кровью», (по словам М.Ю. Лермонтова) и мощь империи означали некую стабильность режима и давали ему оправдание в глазах подданных, то военные поражения вели к его дискредитации, реформам, революциям и взрывам общественного недовольства (что показали поражение в Крымской войне, вызвавшее «Великие Реформы» 1860-ых годов, поражение в русско-японской войне, вызвавшее революционный взрыв 1905 года, и поражение в Первой мировой войне, вызвавшее революцию 1917 года).

В середине XIX века А.И. Герцен так оценивал имперскую политику Петра I: «петербургский период не был продолжением исторической монархии – то было начало мощного, деятельного, не знающего узды деспотизма, равно готового и на великие дела, и на великие преступления. Одна-единственная мысль служила связью между петербургским периодом и московским – мысль о расширении государства. Всё было принесено ей в жертву: достоинство государей, кровь подданных, справедливое отношение к соседям, благосостояние всей страны».

Ценой чудовищных жертв и злодеяний, ценой усиления порабощения народа, Пётр I сумел захватить Прибалтику и земли Прикаспия. Своим наследникам он завещал продолжение наступления в Речи Посполитой и Германии, подчинение Дании, завоевание Константинополя, разгром Османской Империи и захват Причерноморья, Крыма и Балкан, проникновение в Среднюю Азию, завоевание Персии и Индии и, как итог, – создание всемирной империи. Лишь частично эти задачи оказались посильными для преемников императора, продолживших его дело и на протяжении двух веков пытавшихся осуществить эту программу.

6.1.3. Армия и флот

Армия была любимым детищем Петра I, а война – его любимым занятием. (И впоследствии самодержцы всегда были теснейшим образом связаны с армией – главной опорой их власти над завоёванным народом.) Постоянно воюющая страна непрерывно перестраивалась под нужды армии и войны (ибо нужны были огромные средства, люди, вооружения, техника, мощный бюрократический аппарат). Военные методы управления широко внедрялись в повседневную жизнь общества. Армия использовалась при переписи населения («ревизии»), сборе налогов, сыске и поимке беглых, административном управлении страной, принудительном сгоне населения на строительство новой столицы и рытьё каналов.

В каждой губернии и в каждом крупном городе размещался полк солдат, а военные власти контролировали и часто подменяли собой гражданские. Военный регламент стал основой всех других регламентов – столь любимого Петром жанра. В империи, созданной Петром, народ был при государстве, а государство – при армии. Именно армия стала для великого реформатора образцом при создании всех остальных «регулярных учреждений». Как отмечает Е.В. Анисимов: «Пётр был убеждён, что армия – наиболее совершенная общественная структура, что она – достойная модель всего общества... Простота военного устава, его очевидная эффективность на поле боя сеяли соблазн распространить военное начало и на гражданское управление, и на общество в целом. Внедрение военных принципов в гражданскую сферу проявлялось в распространении военного законодательства на систему государственных учреждений, а также в придании законам, определяющим работу учреждений, значения и силы воинских уставов...

Распространение воинского права на гражданскую сферу вело к применению к гражданским служащим тех же мер наказания, которым подлежали военные за преступления против присяги. В значительной степени поэтому ни до, ни после Петра в истории России не было издано такого огромного количества указов, обещавших смертную казнь за преступления по должности». Е.В. Анисимов подчёркивает «характерную для Петра-реформатора сознательную ориентацию на военные образцы, желание придать, государственной машине черты грандиозной военно-бюрократической организации, созданной и действующей как единый военный организм». По словам Е.В. Анисимова, военные регулярно использовались «в качестве эмиссаров царя, наделённых для исполнения своего срочного задания чрезвычайными полномочиями, что открывало им дорогу к применению репрессий и насилия в отношении как администрации, так и населения».

Таким образом, «механика» петровских реформ была следующей: нужды войны вели к военным реформам, а военные реформы, в свою очередь, «тащили» за собой все прочие модернизационные реформы и были для них образцом. Первые годы правления Петра I: неудача первого Азовского похода, катастрофа под Нарвой, стрелецкие восстания – ярко показали ему непригодность существующей армии для его великих завоевательных целей. Существовавшая армия была и недостаточно многочисленна, и мало боеспособна, и, самое главное, не вполне надёжна и лояльна самодержавию.

Зверски расправившись с вольнолюбивыми стрельцами и распустив стрелецкие полки, вскоре после нарвской «конфузии» Пётр начал полную реорганизацию армии, с тем, чтобы иметь в своём распоряжении огромную, обученную, дисциплинированную и вооружённую военную силу. К началу правления Петра русская армия насчитывала 115 тысяч регулярных солдат «иноземного строя» (25 рейтарских и 38 солдатских полков), 10 тысяч человек в дворянской коннице, а также вспомогательные отряды казаков, татар, калмыков и стрелецкие полки.

Помимо перевооружения, улучшения обучения и снаряжения армии, центральным моментом петровской военной реформы явилось введение нового принципа формирования армии – рекрутчины (введённая в 1705 году, она действовала до 1874 года). В соответствии с этим принципом солдаты пожизненно (точнее, на 25 лет, но так долго обычно никто не выживал!) набирались из крестьян (обычно один человек с двадцати дворов ежегодно). Рекрутская повинность идеально соответствовала крепостной системе, создавая рабскую армию с солдатами из крестьян и офицерами из дворян. Вырванные в молодости из своей родной среды, подчиняясь палочной дисциплине, рекруты, в отличие от стрельцов, были полностью зависимы от начальства, вполне покорны и могли с лёгкостью использоваться при подавлении народных восстаний. При рекрутском наборе вводилась круговая порука, основанная на коллективной ответственности закрепощённого населения.

Введение рекрутской системы легло невероятно тяжким бременем на крестьян и вызвало сильнейшее возмущение в их среде. Ведь раньше считалось, что крестьяне кормят «служилых людей» (дворян), которые защищают страну. Теперь же крестьяне должны были нести сразу тройную ношу: и кормить дворян, и нести государственные повинности, да ещё и служить сами, что противоречило всяким народным представлениям о справедливости. Провожая рекрутов в армию, родные с ними прощались, как с покойниками. Против массового бегства рекрутов правительство ввело драконовские меры. Рекрутов, забираемых в армию, заковывали в колодки, как преступников, а с 1712 года им, по указу Петра I, начали делать специальные наколки на левой руке в виде креста (эти наколки в народе называли «печатью Антихриста»). Было приказано ловить рекрутов, а человека, который видел беглого рекрута и не донёс властям, самого было велено истязать, забирать в армию, а его имущество конфисковывать в пользу казны. Кроме того, в случае побега рекрута, в армию забирали его родственников: действовала жесточайшая круговая порука.

К концу Северной войны удвоившаяся в численности петровская армия насчитывала 250 тысяч человек, став самой огромной армией в Европе. (При этом она не распускалась в мирное время, как прежде, но всё время содержалась за счёт казны.) 80 тысяч составляли пехотные полки, 42 тысячи – кавалерия, также имелось почти 500 орудий, инженерные и гарнизонные части и иррегулярные войска (казаки, татары, башкиры – всего до 70 тысяч человек). Полки объединялись в бригады, а те – в дивизии. Управление армией осуществляли Военная и Адмиралтейская коллегии, Генеральный штаб (во главе с генералом-фельдмаршалом).

Новой армии соответствовала и новая стратегия – не оборонительная, как раньше, а наступательная. Целью войны объявлялось теперь не взятие крепостей, но разгром армии противника. На смену редким смотрам армии, бывшим раньше, пришла непрерывная муштра, направленная на выработку автоматизма действий и беспрекословное исполнение приказов.

Император стремился, вооружив армию новейшими достижениями военной науки и современным оружием, оторвав рекрутов от населения и поставив их под жёсткую власть начальства, воспитать прекрасных «машин» для выполнения поставленных задач: как борьбы с внешним неприятелем, так и для подавления внутренних восстаний.

За образец для перестроенной российской армии и её «Воинского устава» (написанного в 1716 году) Пётр I взял шведскую военную организацию. С 1705 по 1725 годы рекрутами были взяты более 400 тысяч человек (всего мужского населения в России тогда насчитывалось около шести миллионов, то есть каждый двенадцатый попал на эту службу, причём отбирали на неё самых здоровых и работоспособных). Созданная петровскими усилиями огромная «крепостная» армия могла дать лишь временный эффект, в перспективе грозя империи тем же тупиком, что и промышленность, основанная на крепостном труде. Ибо, как крепостные работники были не заинтересованы в результатах своего труда, пассивны и низко квалифицированы, так и рабы-рекруты позднее уже не могли противостоять профессиональным европейским армиям, более высоко мотивированным и, благодаря всеобщей воинской подготовке, обладающим более массовым мобилизационным резервом. Победы России в Северной войне прямоком вели страну к сокрушительному разгрому в Крымской войне. Однако эта стратегическая порочность петровской армии обнаружилась лишь сто лет спустя.

Важным нововведением Петра I явилось создание гвардии (напоминающей римских преторианцев и турецких янычар), основой которой стали его «потешные» полки – Семёновский и Преображенский. Состоящие из отборных дворян, приближенные ко двору, гвардейские полки активно использовались Петром при проведении различных мероприятий и стали важнейшим инструментом в его руках, а в дальнейшем они превратились в «ударную силу» бесчисленных дворцовых переворотов, став политическим и военным «авангардом» дворянского сословия, активно «лоббирующим» его интересы.

Любимым детищем Петра I стал созданный им флот. Е.В. Анисимов сравнивает создание флота в петровскую эпоху по своему значению и издержкам с современными космическими программами сверхдержав: безумно дорого было построить корабль, обеспечить его всем необходимым, обустроить гавань и подготовить экипаж. Заводы – парусные, канатные, лесопильные, металлургические – работали на флот; создавались многочисленные порты и морские учебные заведения.

В Россию ввозились корабельные мастера из Голландии, Венеции и Англии. Первый флот, построенный в 1696 году в Воронеже для взятия Азова, был уничтожен Россией по условиям мирного договора России с Османской Империей после неудачного Прутского похода. В 1702 году, закладкой Олонецкой верфи на реке Свирь и, чуть позже, Петербургской верфи, было положено начало строительству русского флота на Балтийском море. Всего за 20 лет при Петре I в России были построены 1104 корабля, созданы военные базы в Санкт-Петербурге и Кронштадте, начато рытьё нескольких каналов.

Однако этот, созданный второпях, флот был недолговечным, слабо маневренным, его экипажи были плохо подготовлены, и потому русские эскадры избегали крупных сражений со шведами, предпочитая атаковать галерами, брать противника на абордаж и побеждать числом, а не умением. Пётр I, стремясь к мировому господству, мечтал превзойти флотом не только Швецию, но и саму «владычицу морей» Британию. Конечно, этим амбициозным и фантастическим планам не суждено было пережить императора. Как замечает Б. Кагарлицкий: «Голландия, Британия и даже Испания с Португалией нуждались в мощном военном флоте для содержания и защиты флота торгового. Напротив, Россия, завоевав выход к морю, в кратчайший срок построила внушительные военно-морские силы, но значительный... торговый флот создать оказалась не в состоянии вплоть до революции 1917 года... Русский флот на Балтике оказался вынужден охранять торговые пути для британских и голландских судов». В этом факте ярко видна вся парадоксальность созданной Петром I военно-полицейско-бюрократиче-

ской империи, одновременно и претендующей на мировое военное господство, и экономически и социально зависимой от Западной Европы, предоставляющей своё сырьё и свою армию в распоряжение ведущих европейских держав!

Стремясь подготовить русские офицерские кадры, император отправил более тысячи юношей из дворянских семей учиться за границу. Благодаря этому к концу правления Петра I уже довольно значительную часть русского офицерского корпуса (две трети) составляли не иноземные наёмники (как раньше), а русские офицеры.

Создание военных заводов, строительство флота, двукратное увеличение численности армии, рытьё каналов, введение рекрутчины и постоянной повинности тяжелейшим образом легли на плечи народа, разоряя его. По словам С.Т. Жуковского и И.Г. Жуковской: «Вооружение и снабжение этой армии (и одновременно строившегося флота) продовольствием и обмундированием требовало небывалых государственных расходов и небывалого же насилия над населением... Террор оставался главным средством, находившимся в распоряжении Петра. Борьба за исправное поступление денег в казну вылилась в настоящую войну царя против всей страны. Специальные прибыльщики изобретали всё новые прямые и косвенные налоги да казённые монополии, так что обыватели к концу Северной войны должны были платить чуть ли не за каждый свой шаг – и за рыбную ловлю, и за собственные бани, и за право носить бороду или исповедовать старую веру». Конечно, подобная тенденция существовала и в политике государства в XVII веке, но Пётр с немецкой педантичностью беспощадно упорядочил, развил её и приумножил, доведя до крайности. Если расходы на армию в XVII веке составляли меньше половины государственного бюджета, то к концу правления первого императора они выросли до 80 процентов (!) – и это при трехкратном (!) росте налогов!

Помимо рекрутчины особенно страдало население от жесточайших массовых трудовых мобилизаций на различные государственные работы (предвестники большевистских трудовых армий) и от «постоянной повинности» – содержания у себя воинских частей за счёт местных жителей. Как пишет Е.В. Анисимов: «воинские части 200-тысячной армии размещались практически в каждом уезде страны... причём постоянная повинность, ранее временная, становилась для большинства крестьян постоянной. Претворение в жизнь этой идеи Петра, заимствованной из практики «поселенной» системы Швеции и адаптированной к условиям России, стало тяжёлым бременем для народа. Недаром впоследствии наиболее эффективным средством наказания непокорных крестьян было как раз размещение в их домах солдат...» А «власть командира полка стала более полной, чем власть местной гражданской администрации. Военное командование не только следило за сбором подушной подати в районе размещения полка, в успехе чего оно было, разумеется, заинтересовано, но и исполняло функции «земской полиции»: пресекало побеги крестьян, подавляло вооружённой рукой сопротивление народа, а также осуществляло общий полицейский надзор за перемещениями населения, согласно введённой тогда же системе паспортов». Так, преодолевая упорное сопротивление своего «непослушного» народа, Пётр I приблизился к своей желанной цели – превратить всю Россию в одну большую казарму.

6.1.4. Индустриализация по-петровски

С эпохи Петра I начинается систематическое и широкомасштабное вмешательство государства в хозяйственную жизнь. Первая в русской истории «индустриализация», проведённая в эти годы, диктовалась и обуславливалась, как и другие преобразования, логикой войны, милитаризации и чрезвычайщины. «Деньги суть артерия войны», – любил говорить Пётр I, а этих денег катастрофически не хватало.

По приказу императора были за четверть века построены более 200 мануфактур, обеспеченных трудом крепостных, работавших на государственный заказ, производивших обмун-

дирование и вооружение для армии. Мощный экономический рывок позволил петербургской России одержать победу над шведами, но в перспективе вёл в тупик, поскольку рабский труд является малоэффективным и неквалифицированным, а военное производство, основанное на государственных заказах, было паразитическим наростом на общественном организме. Затраты на ведение непрерывных захватнических войн и на создание военной индустрии ложились непосильным бременем на плечи крестьянства, которое обеспечивало налоговые поступления в казну.

Пётр I указывал, что и где строить, что производить, с кем торговать и по какой цене. Так, запрещалось торговать с границей через Архангельск (можно было только через Петербург), строить каменные здания в старой столице Москве (возводить их можно было опять же лишь в Петербурге). Купцов Пётр приказал объединять в «кумпанства» – товарищества, действовавшие под полным контролем государства и осуществлявшие его цели.

Тенденция к созданию под эгидой государства промышленности, основанной на подневольном труде и ориентированной на военные нужды, появившаяся в XVII веке, при Петре I получила огромное развитие и была возведена в громадную и всеобъемлющую систему. По словам С.Т. Жуковского и И.Г. Жуковской: «Правительство оберегало мануфактуры от иностранной конкуренции, питало их казёнными заказами и не отягощало налогами, зато диктовало цены и щедро снабжало инструкциями и указаниями. Выращенные таким образом «капиталисты поневоле», пользовавшиеся крепостным трудом, могли обеспечить военные нужды государства, но не были способны обеспечить расцвет российской экономики».

Общими чертами «индустриализации по-петровски» было размещение новых мануфактур или возле источников сырья или рядом с театром военных действий, использование в качестве рабочей силы местных жителей, насильно прикреплённых к предприятиям, а в качестве мастеров – иностранных специалистов, закупка части нужной техники за границей (на деньги, вырученные за вывезенное из страны зерно). В ходе петровской индустриализации возникли новые отрасли промышленности: судостроение, производство шёлка, рафинада, цветная металлургия. Возникли несколько металлургических заводов на Урале, оружейные заводы в Туле и Сестрорецке. На огромном Хамовном дворе в Подмоскovie на реке Яузе – предприятии по производству парусины для кораблей, крупнейшем заводе России, – в 1719 году трудилось уже 1200 человек! В Москве были созданы Суконный двор и Канатный Двор. Выплавка чугуна выросла за 20 лет в пять раз (со 150 тысяч до 800 тысяч пудов в год) и почти достигла уровня Англии. Россия даже начала экспортировать металлы, парусину и полотно, хотя основными вывозимыми из неё на Запад товарами оставались древесина, лён, конопля, пенька и зерно.

Приглашаемым в Россию иноземным мастерам гарантировалось покровительство царя, высокое жалованье, свобода вероисповедания, освобождение от уплаты податей на десять лет. По приказу Петра было начато строительство нескольких каналов: Ладожского, Волго-Донского (который был завершён уже при большевиках – и также подневольным трудом заключённых лагерей).

По словам В.Я. Хуторского: «Движущей силой индустриализации явилась не предпринимательская инициатива, а государственное принуждение. Рабочая сила формировалась путём приписки к казённым и частным мануфактурам государственных, дворцовых и монастырских крестьян. Частные заводы должны были выполнять заказ правительства, купцов в принудительном порядке объединяли в компании, обременяли тяжёлыми налогами, заставляли переселяться в Петербург и вести через него торговлю. Продажа соли и табака, экспорт самых выгодных товаров – пеньки, дёгтя, смолы, поташа, конопляного семени, юфти, (дублёной кожи) – стали государственной монополией. Такие меры разорили половину богатейших купцов».

Впрочем, в конце своего правления Пётр I начал передавать кое-какие государственные заводы в частные руки, освобождать уцелевших купцов от ряда повинностей и давать им ссуды и сократил число государственных монополий. Частным лицам было дозволено отыскивать

руды и строить предприятия по их добыче. В январе 1721 года особым указом дворянам и купцам было разрешено прикупать к своим предприятиям деревни, крестьян которых стали именовать «посессионными» (владельческими). Такие предприятия, впрочем, по-прежнему полностью контролировались государством, которое устанавливало им план производства и цены на продукцию. А для посессионных крестьян работа на заводах заменяла барщину и была столь же обязательной, что делало ненужным и маловероятным внедрение изобретений, заменяющих живой ручной труд механическим. Так называемые «частные» предприниматели, фактически, являлись лишь правительственными агентами, а работники промышленности оставались крепостными людьми.

Хотя тотальный государственный контроль был установлен в петровскую эпоху в основном над промышленностью и торговлей, это не означает, что сельское население полностью избежало отеческой опеки государства: рекрутские наборы, постоянная повинность и втрое возросшие за двадцать лет налоги дополнялись для него многочисленными трудовыми повинностями – государственной барщиной: строительством Петербурга и различных крепостей, рытьём каналов, сооружением кораблей. Мобилизованные трудовые армии крестьян отрывались от своих хозяйств, и десятки тысяч людей погибали от кошмарных условий труда и болезней.

Петровские реформы выстроили в экономике колоссальную централизованную систему государственных монополий, повинностей, предписаний, откупов, заказов, принудительных мобилизаций. Административный диктат и насилие, милитаризация труда, коррупция, рабство и чисто экстенсивный путь развития – на этих основах создавалась российская промышленность. Естественно, что технические новшества в ней слабо развивались, а качество изделий российских мануфактур было намного ниже, чем у зарубежных. Продукция промышленности была рассчитана, в основном, не на потребление населением, а на военные нужды.

По указу Петра, было запрещено ввозить в Россию те виды товаров, которые производились в стране (на них были введены пошлины в 75 процентов, делающие такой ввоз невозможным). Благодаря введению государственной монополии на продажу соли, государство смогло увеличить цены на неё вдвое (получив сто процентов прибыли), а благодаря монополии на продажу табака – 800 процентов прибыли.

Сращивание государства с промышленностью и торговлей носило двухсторонний характер, идя «сверху» (через назначение государством своих агентов – откупщиков, введение монополий, раздачу предпринимателям крестьян, кредитов, заказов, сырья) и идя «снизу» – через подкуп чиновников купцами и промышленниками, их тесное переплетение. Созданную в России усилиями Петра I промышленность хорошо охарактеризовал Б. Кагарлицкий: «Правительство оказалось не только, по выражению Пушкина, единственным европейцем в России, но и её первым капиталистом. Двор управлял не только политической, но и деловой жизнью страны. Государственный грабёж – внутри и вне собственной страны – оказывался наиболее эффективной формой первоначального накопления капитала. Одновременно происходило и постоянное перераспределение средств с их частичной приватизацией в пользу петербургской элиты. Формы приватизации были самые разнообразные – от раздачи имений и крестьян, предоставления государственных контрактов до разворовывания казённых денег. Там, где государство грабит, – подданные воруют». Поэтому воровство стало не каким-то злоупотреблением в формирующейся экономике петербургской империи, а одной из форм её обычного повседневного существования.

Высокие налоги на купечество и принудительное сколачивание по приказу царя «кумпанств» (компаний), установление заниженных закупочных цен на товары, поставляемые купцами и промышленниками в казну (потом государство перепродавало их по сильно завышенным ценам), привело к тотальному разорению купечества в годы петровских реформ. Принудительно заставляя купцов переселяться в непригодный для жизни и торговли Санкт-

Петербург (где отсутствовало жильё, торговые помещения, рабочие руки, инфраструктура) и запрещая торговлю через Архангельск, император нанёс смертельный удар по благосостоянию русского купечества и по всему населению русского Севера, подорвал традиционные источники их дохода. Купеческие капиталы нещадно высасывались бюрократическим государством посредством непрерывных монополий, налогов, переселений, искусственных ограничений торговли. В годы правления Петра из 226 богатейших купцов России в этом сословии остались лишь 104 человека; прочие разорились и были вынуждены сменить сословную принадлежность. Разорение городов, упадок купеческих родов, гибель остатков частной торговли и свободного предпринимательства – та часть цены, заплаченной за победу в Северной войне, которую купцы и ремесленники разделили с разорённым и порабощённым крестьянством.

Но и победа в войне со шведами ничего принципиально не изменила в экономической политике государства. Как подчёркивает Е.В. Анисимов, ранее (до конца Северной войны) «Россия не знала органов управления торговлей и промышленностью. Как раз создание и начало деятельности Берг-, Мануфактур-, Коммерц- коллегий и Главного магистрата составляло суть происшедших перемен. Эти бюрократические учреждения явились институтами государственного регулирования национальной экономики, органами осуществления торгово-промышленной политики самодержавия на основе меркантилизма», которая отличалась «необыкновенной интенсивностью промышленного строительства силами государства и на его средства, но прежде всего особенной жёсткостью регламентаций, разветвлённой системой ограничений, безмерной опекой над торгово-промышленной деятельностью подданных». А указ о посессионных крестьянах от 18 января 1721 года, по Е.В. Анисимову, «знаменовал собой решительный шаг к превращению промышленных предприятий, на которых зарождался капиталистический уклад, в предприятия крепостнические, в разновидность феодальной собственности...» Таким образом, заключает историк, «промышленность России была поставлена в такие условия, что она фактически не могла развиваться по иному, чем крепостнический, пути. Доля вольнонаёмного труда в промышленности после этих указов стала резко падать... Победа подневольного труда в промышленности определила нараставшее с начала XIX в. экономическое отставание России... В то время как в развитых странах Западной Европы буржуазия уже громко заявляла о своих претензиях к монархии и дворянству, в России шло попятное движение: став, душевладельцами, мануфактуристы стремились повысить свой социальный статус путём получения дворянства, жаждали слиться с могущественным привилегированным сословием, разделить его судьбу. Процесс превращения наиболее состоятельных предпринимателей – Строгановых и Демидовых – в аристократов – наиболее яркий из типичных примеров».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.